



ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

С. М. АБРАМЗОН

ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Статья П. И. Кушнера, опубликованная в порядке обсуждения¹, хотя сама по себе содержит мало материала для дискуссии, вполне своевременна. Ее своевременность заключается в том, что она затрагивает ряд наболевших вопросов нашей исследовательской работы, не получивших еще удовлетворительного разрешения. Появление этой статьи сыграет, несомненно, свою положительную роль, поскольку она является новым и серьезным поводом для откровенного обсуждения вставших перед советскими этнографами сложных проблем этнографического изучения современности.

Следует прямо сказать, что многих из нас совершенно не удовлетворяет то состояние изучения современности, с которым мы пришли к сегодняшнему дню. Не удовлетворяет и своя собственная работа в этом направлении, и работа товарищей. Возникла опасность того, что мы и дальше будем топтаться на одном месте, если не найдем форм и методов исследования, которые дадут нам возможность для углубления всей работы, создадут основу для серьезных научных обобщений.

Прошло уже четыре года, как мы начали снова вплотную заниматься изучением современности (хотя вообще этим начали заниматься давно); начало последнего этапа относится к 1948 г. Наступило время для того, чтобы подвести некоторые итоги, чтобы посмотреть, правильно ли мы работаем, не имеется ли в нашей работе ошибок и, если они имеются, то как их избежать в будущем. Статью П. И. Кушнера и следует рассматривать как попытку ответить на вопрос о том, как нам выйти из того (я не употреблю сильного выражения — тупика) затруднительного положения, в котором мы оказались. Ведь, кроме десятка или полутора десятков статей, в большинстве случаев очеркового характера, имеющих общую тенденцию подойти к освещению быта колхозников монографически, мы почти ничего не создали. Исключение составляют некоторые более серьезные работы (например, статья Л. П. Потапова «Опыт изучения социалистической культуры и быта алтайцев»²), построенные на материале, собиравшемся в течение многих лет, и ставящие себе задачу углубленного исследования некоторых сторон быта колхозного крестьянства.

Попытка П. И. Кушнера разобраться в том, каковы причины, приведшие к существующему положению, заслуживает всяческого одобрения. Однако нельзя назвать ее вполне удовлетворительной. Некоторых из причин, мешающих нашему движению вперед, он не вскрывает, а

¹ П. И. Кушнер, Об этнографическом изучении колхозного крестьянства, «Советская этнография», 1951, № 1, стр. 135—141.

² «Советская этнография», 1948, № 1.

причины, о которых он пишет, не во всех случаях правильно им толкуются.

Попытки обобщения собранных материалов и накопленного опыта предпринимались и раньше. Весной 1950 г. в Москве было сделано несколько докладов, повторенных затем в Ленинграде. С основным докладом, посвященным опыту изучения культуры и быта колхозного крестьянства, выступала Т. А. Жданко. К сожалению, этот доклад подвергся тогда весьма слабому обсуждению. В нем было много итоговых данных об экспедициях, об охваченных изучением территориях и т. д., но самый опыт, в смысле полученных результатов и примененной методики, был обобщен в недостаточной степени. При этом, что главное, итоги подводились без глубокой критической оценки. Отсюда и перспективы, которые тогда намечались, как это видно теперь, были не во всем правильны. Нам рекомендовалось более глубоко изучать историю данного колхоза или села вплоть до поднятия всех архивов, т. е. рекомендовалось по сути дела стать в широком смысле слова историками советского периода истории народов СССР.

Если вопрос о применении конкретно-исторического метода сам по себе был поставлен правильно, то, как мне кажется, нельзя было выдвигать в качестве главного стержня собственно историю колхоза или села. Когда мы ставим вопрос об изучении закономерностей развития тех или иных сторон жизни колхозников, об изучении процессов,— это совсем другое дело. Здесь есть, над чем подумать.

В статье П. И. Кушнера затронуты серьезные, животрепещущие вопросы этнографического изучения современности. Но настоящего обобщения опыта проделанной работы, анализа уже опубликованных материалов мы в ней также не находим. Такая критическая, обобщающая работа должна быть проделана. Без такой работы нам трудно будет двигаться дальше вперед.

Следует пожалеть о том, что ряд вопросов, заостренных в статье П. И. Кушнера, поднят слишком поздно, хотя эти вопросы выдвигались жизнью и некоторыми товарищами уже давно. На необходимость и возможность такого решения некоторых вопросов, какое правильно предлагает П. И. Кушнер, уже не раз указывалось на наших итоговых сессиях, на заседаниях Ученого совета Института этнографии и т. д. К сожалению, нужно отметить, что к высказывавшимся мнениям мало прислушивались. В результате этого и делались ошибки и упущено много драгоценного времени. Если бы трезвые голоса, раздававшиеся в коллективе Института этнографии еще два-три года назад, были услышаны, может быть, были бы во-время пересмотрены некоторые установки и методы организации самих полевых работ, являющихся одним из важнейших факторов, определяющих успех нашего дела. Уже в октябре 1948 г. на заседании Ученого совета высказывались сомнения в отношении правильности установки на монографическое изучение колхозов как на основной, даже чуть ли не универсальный метод изучения быта колхозного крестьянства. Уже тогда подчеркивалось, что применение этого метода требует стационарных форм работы, а они у нас по существу исключались. Получался разрыв между нашими пожеланиями и нашими реальными возможностями, который во всей дальнейшей практике продолжал углубляться. Осенью 1949 г. на заседании Ученого совета снова указывалось, что вопрос о дальнейшем применении «экскурсионного» (а точнее — гастролерского) метода изучения должен быть изменен, что дальше так строить работу нельзя. Между тем работа продолжалась и дальше этим методом, неизбежно приводившим к поверхностности. Чтобы покончить с этой поверхностностью нужно выработать другие подходы.

Правильно отмечают некоторые товарищи, что мы уже настолько углубились в сторону слишком широкого применения монографическо-

метода, что забыли о другом, не менее важном, а в некоторых случаях и более важном методе этнографического изучения — тематическом. В своих тезисах к этнографическому совещанию, состоявшемуся в Москве в январе-феврале 1951 г., П. И. Кушнер выдвигал в качестве важной задачи еще более широкое применение монографического метода исследования. Поэтому совершенно естественным было выступление проф. Г. С. Читая, который выразил не только свое личное мнение, но и отразил настроение значительной группы товарищей, когда он отстаивал тематический метод исследования, совершенно незаслуженно отодвинутый на задний план. Мы совершенно согласны с постановкой вопроса о соотношении монографического и тематического исследования, которая содержится в статье А. И. Робакидзе «К некоторым спорным вопросам этнографического изучения нового быта» («Советская этнография», 1952, № 2, стр. 132—133). По существу же и в рассматриваемой статье П. И. Кушнер продолжает исходить из задачи монографического изучения, лишь в конце статьи делая соответствующую оговорку, что вряд ли можно признать оправданным.

Все, что говорилось выше, не исключает, конечно, необходимости монографического изучения колхозов, но изучения более глубокого, чем то, которое имело место до сих пор. Такое изучение не должно являться общей отмычкой для решения всех проблем. Оно требует большой подготовки, должно быть рассчитано на длительный срок. Монографическое изучение культуры и быта колхозного крестьянства наиболее эффективно может быть осуществлено силами местных научных учреждений республик и областей, в меньшей мере эта задача может решаться Институтом этнографии, поскольку для ее решения требовалось бы преодоление очень больших трудностей.

В своей статье П. И. Кушнер правильно акцентирует на необходимости изучения национальных особенностей культуры, национальной специфики и т. д. Но, хотя он и перечисляет ряд элементов культуры, культурных явлений, в которых эти особенности находят свое выражение, все-таки проблема остается недостаточно ясной. По вопросу о том, что следует рассматривать в качестве национальной особенности или национальной специфики, какие из национальных особенностей должны звучать этнографы, следует провести широкий обмен мнениями. Мы привыкли свободно оперировать этими понятиями, но мы далеко не всегда одинаково представляем себе, какое содержание надлежит в них вкладывать. Кстати, П. И. Кушнер говорит о необходимости изучения за ко-
ло мерностей развития национальной специфики³. Нам кажется, что методом монографического изучения этой задачи решить нельзя.

До сих пор в своей исследовательской работе (это относится не только к изучению колхозного крестьянства, но и к изучению современного быта в широком смысле слова) мы не ставили задачу — изучить всесторонне, в комплексе, национальный характер того или иного народа. В связи с этим следует вспомнить замечательное выступление И. В. Сталина 24 мая 1945 г. на приеме командующих войсками Красной Армии. И. В. Сталин поднял тост за великий русский народ и отметил национальные черты и особенности его характера. Если мы возьмем наши советские социалистические нации сегодняшнего дня, то увидим, что в их национальных характерах имеется много общего. И это вполне естественно. Социалистический способ производства, наш советский государственный и общественный строй, огромная воспитательная работа, проводимая большевистской партией, не могут не вырабатывать общих для всех социалистических наций черт характера. Но вместе с тем мы найдем в характере той или иной социалистической нации много своего, специфического, присущего только ей. Если мы говорим о национальной специфике, о национальных особенностях культуры, то мож-

³ П. И. Кушнер, Указ. раб., стр. 136.

но говорить и о национальном характере каждого народа. Этот характер включает в себя и такие моменты, которые следовало бы изучать в первую очередь этнографам. Эта задача — не всеобъемлющая, но это один из важных аспектов нашего исследования, которого мы вовсе не касались и который не стоило бы игнорировать.

Остановимся и на другом аспекте нашей работы. Если мы зададимся вопросом о том, как подходили к изучению крестьянства наши старые этнографы, то должны будем отметить, что, наряду с очень большими достижениями нашей русской этнографической науки, в ней имелся и существенный недостаток. Он заключался в том, что исследователи крестьянского быта в большинстве своем подходили к крестьянину безразлично. Во многих ли старых этнографических работах, статьях мы найдем серьезное описание жизни отдельных конкретных крестьян? Имеются описания разных сторон и явлений крестьянского быта, упоминаются иногда и имена крестьян, но живых людей за этими описаниями почти нельзя было увидеть. Можно ли, подходя к изучению советского колхозного крестьянства, совершенно нового крестьянства, повторять методы и практику старых исследователей? Нам кажется, что нельзя, ибо мы в советском обществе привыкли выдвигать на первый план человека, а ведь этнограф имеет дело прежде всего с живыми людьми. Между тем этот недостаток, к сожалению, продолжает повторяться в наших этнографических исследованиях и описаниях. Мы очень часто даем одно лишь обобщенное описание и, если называем иногда имена, сообщаем биографические данные, то делаем это настолько скупо, что живых, реальных людей читатель в наших описаниях не найдет.

Проблема изучения формирования социалистического сознания, формирования нового, советского человека ставилась в докладе П. И. Кушнера на этнографическом совещании. Но ставилась она очень односторонне и узко — в плане изучения биографий, описания бытовых сцен, которые может наблюдать этнограф, и т. п. Следует ли доказывать, что в своих исследовательских и описательных работах советские этнографы должны, не отбрасывая вовсе метода обобщенного описания (и, тем более, не отказываясь от теоретических выводов), возможно шире обращаться к живому человеку. Советский человек в его взаимоотношениях (коллективом, в его отношении к труду в производственном процессе, в его отношении к общественной жизни, в его взаимоотношениях с семьей и т. д. должен стать одним из важных объектов этнографического изучения. Это в свою очередь даст нам возможность более правильно изучить «психический склад» социалистических наций, национальный характер конечно, в рамках этнографической специфики, которую мы не должны смешивать со спецификой писателя.

Но такого рода методика требует иной организации полевых исследований, которые должны в большей мере, чем до сих пор, носить стационарный характер. Поэтому прав П. И. Кушнер, когда он тоже ставит этот вопрос⁴. О каком же процессе изменения быта колхозного крестьянства можно было говорить при тех кратковременных поездках, какие имели место до последнего времени. Этнографы не могли изучать процесс и не изучали его. Это подтверждается нашими публикациями. Отсюда и поверхностность наших наблюдений, отсутствие глубины в наших выводах, если они делались. П. И. Кушнер указывает, что материал мы собирали обычно опросным путем⁵. Это естественно при тех сроках, в течение которых мы находились в поле, но если говорить о материальной культуре, то здесь этнографы применяли и метод непосредственного наблюдения. В этом П. И. Кушнера надо поправить.

Много места автор обсуждаемой статьи уделяет несовершенству наших научных описаний как таковых и говорит, что у нас по существу

⁴ П. И. Кушнер, Указ. раб., стр. 138.

⁵ Там же.

т этих описаний. А возможно ли было делать эти описания? Конечно, из-за краткости сроков их во многих случаях сделать было невозможно. Тем не менее у ряда товарищей материал для научного описания был собран, но использовать его в наших небольших по объему статьях, которые мы публиковали и в которых затрагивались сразу до десятка вопросов, было весьма трудно. Научных описаний было очень мало еще и потому, что этнографам приходилось разбрасываться, одному исследователю нужно было одновременно применять различные методы исследования, что не могло не рассеивать внимания, приводило к ненужной поверхностности и т. д. Следовательно, причины неудовлетворительности наших описаний коренятся и в многоотемности, которую неизбежно несет с собой монографическое изучение деревни. В силу самого комплексного монографического подхода мы не могли уделить особого внимания каким-то отдельным сторонам быта и их описывать в наших статьях, хотя многими из нас те или иные стороны жизни изучались более детально и такие научные описания в ряде случаев могли быть даны. Научные описания жизни и быта колхозников очень нужны. Их, разумеется, нельзя противопоставлять разработке теоретических вопросов, но только такие описания, публикуемые широко и систематически, дадут тот массовый научный «строительный» материал, на базе которого могут быть сделаны серьезные и обоснованные выводы и обобщения.

Недостаточность базы для научных обобщений у нас совершенно очевидна. Но она является результатом не только неудовлетворительных описаний. Последние, к сожалению, имеют место, хотя и являются, как указывалось выше, чаще всего следствием вынужденной спешки. Узость базы для широких научных выводов и обобщений заключается еще и в узости самого материала, основанного в последние годы на кратковременном изучении одного, в лучшем случае двух-трех колхозов. Исследователь тем самым лишается возможности пользоваться критерием повторяемости, устанавливать, типично ли данное явление или, наоборот, случайно, обусловлено лишь какими-то местными причинами. Сам объект изучения, сама база, как нам кажется, очень мало дает материала для глубоких теоретических выводов, тем более, что и собирается тот материал в течение короткого срока. Более глубокие теоретические выводы возможны были бы, как на это указывал на этнографическом съезде Г. С. Читая, только при более широком применении метода тематического исследования. И при тематическом исследовании, как и при комплексном, мы не имеем права отрывать изучаемое явление от всей остальной жизни, с которой оно связано, в том числе и от экономики. Тот, кто владеет методом марксизма-ленинизма, не может отрывать изучаемого явления от обуславливающих его и связанных с ним факторов, в частности и экономических. Если же этнограф еще не вполне овладел теорией марксизма-ленинизма, то и при монографическом изучении, как это показывал опыт (в том числе и наш собственный), ему не всегда удастся найти должную связь между экономикой и бытовыми явлениями. Поэтому нам представляется, что не одно только несовершенство метода исследования является корнем зла, как пытается показать П. И. Кушнер, хотя оно и приносит неудовлетворительные результаты. Наши пробелы в значительной степени являются результатом односторонней установки на монографическое изучение, во-первых, и недостаточно глубокого усвоения некоторыми из нас теории марксизма-ленинизма, во-вторых.

Следует еще остановиться на вопросе об изучении экономики. Натойчивое отмежевание П. И. Кушнера от вопросов колхозного производства⁶, колхозной экономики таят в себе серьезную опасность — опасность отрыва быта от того центрального стержня современной жиз-

⁶ П. И. Кушнер, Указ. раб., стр. 139.

ни колхозного крестьянства, каким является общественный труд. Нельзя увлекаться изучением колхозной экономики (а такое увлечение было), но и недопустимо изучать народную жизнь без того, чем в первую очередь живет народ, без вдохновенного труда, направленного на построение коммунистического общества. Найти формы изучения народной жизни в ее органической связи с общественным трудом, — вот над этим должны думать и работать советские этнографы. А об этом П. И. Кушнер не говорит и, по существу, снимает этот вопрос.

Речь идет не об изучении колхозной экономики как таковой — для этого мы не обладаем необходимыми данными, — а о том, что без серьезного и повседневного внимания к общественному труду нельзя правильно оценить и понять ни одного явления народной жизни. Поэтому П. И. Кушнер совершает ошибку, делая резкий крен в сторону изучения только бытовых явлений, упуская неразрывную связь этих явлений с процессами общественного труда и производства. Такая постановка вопроса может привести к голому «бытовизму», а такой «бытовизм», на наш взгляд, был бы шагом назад.

Мне, как и другим товарищам, представляется, что П. И. Кушнер заблуждается и тогда, когда он одну из главных причин ошибок этнографов видит в том, что они изучали колхоз, а не населенный пункт. «Крестьянство, — пишет автор, — которое изучает этнограф, живет не в колхозах, а в населенных пунктах...»⁷ Но ведь и колхозы находятся не в безвоздушном пространстве, да и сам автор не назовет этнографа, который изучал бы колхоз только как хозяйственную организацию. Как выход из своеобразного тупика, П. И. Кушнер предлагает перейти к изучению села или группы населенных пунктов. В этом предложении есть свои полезные стороны, и они должны быть учтены, но было бы наивно полагать, что выбор в качестве объекта изучения не колхоза, а села, принципиально и по существу меняет дело, что этот подход способен разрешить все трудности. Мы не говорим уже о том, что практически (если исходить из реальных фактов, а не отвлеченных рассуждений) выбор в качестве объекта изучения населенного пункта ведет к новым осложнениям и трудностям.

Автору статьи, вероятно, известно, что есть укрупненные колхозы, состоящие из ряда небольших населенных пунктов, в каждом из которых живет в некоторых случаях два-три десятка семей, а иногда и того меньше. Колхозники, живущие в таком населенном пункте, в лучшем случае составляют бригаду колхоза. Ведь не такой населенный пункт имеет, повидимому, в виду П. И. Кушнер. Изучать такой населенный пункт нецелесообразно и неверно — это поведет к ошибочным выводам, поскольку изучалась бы часть единого организма — колхоза. Одновременное изучение группы населенных пунктов, составляющих один колхоз, может оказаться весьма сложным делом, поскольку в некоторых районах такие населенные пункты удалены друг от друга на значительное расстояние. С другой стороны, имеются и такие крупные населенные пункты, на территории которых расположено несколько колхозов и которые по количеству населения не уступают небольшим городам. Очевидно, и такой населенный пункт окажется неподходящим объектом для этнографического исследования. Нам кажется, что дело вовсе не в том, что изучать — колхоз или село, а в том, как изучать. П. И. Кушнер преувеличил значение этого вопроса. Основное внимание мы должны уделить вопросу о том, как и в каком направлении надлежит вести нашу исследовательскую работу, и в этом смысле со многими пожеланиями и соображениями, высказанными в обсуждаемой статье, можно полностью согласиться.

⁷ П. И. Кушнер, Указ. раб., стр. 140.